

Вы ввели в ювелирную моду многие камни, которые раньше использовались редко или не использовались вовсе.

Да, и это всегда был мой осознанный выбор — для нового украшения выбрать новый камень. Для меня цвет — это способ рассказать историю. Например, в новой коллекции я использовала бразильский турмалин параиба, а не мозамбикский. Он стоит много дороже, но и оттенок у него совсем другой, а для меня такие детали имеют большое значение: мне нужен был камень, идеально сочетающийся с синим сапфиром. Точно так же с изумрудами разного происхождения: их оттенок может быть желтоватым или голубоватым, все зависит от месторождения, но мне не нужен просто изумруд, мне нужен изумруд определенного оттенка — и даже малозаметные различия здесь очень существенны. Я стремлюсь к тому, чтобы камни в украшениях были сбалансированы по цвету, ни один из них не выделялся, чтобы все они существовали в гармонии.

А любимые камни у вас есть?

Нет, они для меня все важны и все любимы. Может быть, чуть больше я люблю камни ярких оттенков. Насыщенно-розовые, неоновые турмалины параиба, глубокого оттенка синие и фиолетовые сапфиры, цветные бриллианты. Но и не столь яркие камни я тоже очень люблю: например, нежные мятно-зеленые изумруды — таких, правда, уже не найти.

Глава ювелирного ателье Chaumet Паскаль Бурдарья сказал мне, что вы — будущий JAR, потому что только вы и Жюэль-Артур Розенталь заставляете мастеров в ателье решать практически невыполнимые задачи и никогда не удовлетворяетесь средним результатом, бесконечно возвращая все на доработку.

Какое лестное сравнение! Знаете, это особенность нашей работы — мы должны быть очень точны. Если дать приблизительное задание, оно будет приблизительно исполнено. Я верю в мастеров — я знаю, что они способны на удиви-

тельные вещи, надо просто показать им верное направление. Многие ювелирные дома не очень-то заботятся о дизайне, они просто продают камни в оправе, украшения у них тяжеловесные и совершенно несексуальные. Возможно, там просто нет нужного человека, всем руководит отдел маркетинга, но это совершенно не для меня. Я люблю создавать вещи легкие, необычные, подчас странные, но крайне женственные. Пытаясь добиться этого, я могу возвращать украшение на доработку много раз.

Какое украшение из Archi Dior возвращалось в ателье больше других?

Все тот же браслет Ailee Diamant. Его изготавливал опытейший мастер, с 40-летним опытом, и он признался мне, что это было самое сложное украшение из всех, над которыми ему когда-либо приходилось работать. Он занимался этим браслетом полтора года!

Вы работаете с несколькими ателье?

Да, все находятся в Париже, и у каждого есть свои особенности.

Сложно ли сегодня найти подходящее ателье? Тот же Бурдарья ушел работать в Chaumet, два года назад Chanel, открыв свое ювелирное ателье, уговорили перейти к ним нескольких независимых мастеров... И таких примеров немало. Независимые мастера закрывают свои ателье и становятся частью больших компаний.

К счастью, есть люди, которые не хотят быть частью компаний и групп, они ценят свою независимость, в их числе есть молодые мастера с маленьким ателье — настоящие художники, которые не хотят становиться частью большого бизнеса. Пять-шесть лет назад нам было по-настоящему трудно, но сегодня и это очень приятно — появились новые талантливые мастера.

Они, думаю, важны не только для Dior, но и для вашей собственной компании Victoire de Castellane. Насколько украшения, созданные вами для разных проектов, отличаются друг от друга?

Создание украшений для меня крайне органичный процесс, мне легче выразить себя в украшении, чем объяснить что-то словами. Поэтому, например, в идеях недостатка нет. Но я прекрасно понимаю, что я создаю для Dior, а что для себя. Victoire de Castellane — это маленький бизнес, всего около 20 украшений в год. В Dior же я отвечаю за несколько коллекций, показываемых в течение года, и здесь не место выражению своего дизайнерского «я», это игра с кодами Dior. Раф Симонс или Карл Лагерфельд тоже прекрасно работают и на большой дом, и на себя! Думаю, все от этого только выигрывают: ты можешь выразить себя, бренд избавлен от чуждых ему идей.

Проект уникальных драгоценных объектов Victoire de Castellane начался в 2009-м. Первая выставка-продажа была в лондонской галерее Gagosian в 2011-м, потом в нью-йоркской — в 2013-м, вы планируете новую выставку?

— Пока нет, я предпочитаю дать себе время передохнуть, дождаться правильного момента, когда будет понятно, в какую сторону двигаться и что делать. Ведь ты можешь начать, а спустя два года обнаружить, что пошел совершенно не в ту сторону, но невозможно будет все переделать и начать сначала. Так что ювелирное искусство не для тех, кто вечно спешит!

Вернемся к Dior. Вы не просто обращаетесь к истории бренда, в последних коллекциях — Dear Dior, Cher Dior, а теперь и Archi Dior — вас, похоже, больше всего занимает Кристиан Диор.

Думаю, у него была светлая голова, он был образован, но главное — умел мыслить нестандартно. Конечно, я ищу вдохновение не только в прошлом, я живу настоящим, ведь Dior — очень живой, быстро меняющийся дом. И работы Рафа Симонса на меня влияют не меньше, чем работы его предшественников.

В одном из интервью вы сказали, что в 1998-м вы приняли предложение возглавить новое — ювелирное — направление Dior, потому что вам было интересно «создавать что-то из ничего». Прошло 16 лет — какое место Dior Joaillerie занимает в ювелирном мире? Что изменилось за эти годы?

Мы начали очень дерзко — с крупных камней, необычного дизайна. Ювелирный мир в то время был очень скучным. Людей интересовали только камни «большой четверки» — бриллиант, изумруд, сапфир и рубин, мы же привнесли идею счастья в ювелирный дизайн. Теперь многие дома пытаются работать с объемом, сочетаниями цветов и, что еще важнее, с историями, рассказывать что-то своими коллекциями, но тогда все было иначе — мы встряхнули ювелирный мир. И я не жалею ни об одном из созданных украшений и принятых решений, более того, я люблю пересматривать старые эскизы, фото украшений — для меня это чистое удовольствие.

А вы изменились за эти 16 лет?

Я выросла! Не думаю, что изменился мой подход: с самого начала каждая новая коллекция для меня — это упражнение, поиск нового стиля, попытка создать что-то, чего пока не существует. Больше всего я боюсь сделать скучное украшение, поэтому каждый раз проверяю: если я не готова надеть то, что придумала, — это плохой дизайн.

Беседовала Анна Минакова